

Орлов Н. А.

**Продовольственная работа
советской власти**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 33
ББК 65
Н11

Н11 **Н. А. О.**
Продовольственная работа советской власти / Орлов Н. А. – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 400 с.

ISBN 978-5-521-26489-6

ISBN 978-5-521-26489-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Девять мѣсяцевъ продовольственной работы совѣтской власти.

І. Наслѣдство.

Обвинять, значитъ доказать, что можно сдѣлать лучше. И когда многочисленные враги и оппоненты совѣтовъ говорятъ о разрушеніи октябрьской революціей и послѣдующими актами продовольственнаго дѣла Россіи—это простыя словесныя упражненія, не подкрѣпленные фактами. Послѣдующее изложеніе укажетъ читателю, что все 'возможное было сдѣлано, и если страна голодаетъ и нищаетъ—это обусловливается непреодолимыми обстоятельствами міровой войны.

Хозяйственныя программы—не плодъ досужихъ фантазій; реализація программъ не зависитъ отъ доброй воли ихъ авторовъ, обусловливается комплексомъ всѣхъ дѣйствующихъ въ данный періодъ классовыхъ силъ.

Ничто не препятствовало романовской монархіи провести самую идеальную распределительную систему, если сбросить со счета необычайное взяточничество полиціи. Но продовольственный кризисъ тѣмъ не менѣе явился послѣднимъ ударомъ по ветхому трону. Объясняется это структурой дореволюціонныхъ классовыхъ отношеній въ Россіи.

Пока война скользила по поверхности хозяйства страны, правительство пользовалось тѣмъ, что давало свободный рынокъ, не беря на себя задачъ регулированія. Россійская бюрократія, вмѣстѣ съ блестящей шеренгой русскіихъ профессоровъ экономистовъ, оказалась до смѣшного непредусмотрительной, потому что верхами нашей власти руководили помѣщики, т. е. наиболѣе тупая, жадная и трусливая клика, а экономическая мысль Россіи питалась предрассудками, изжитыми даже въ прусскихъ канцеляріяхъ.

Первымъ толчкомъ къ государственному вмѣшательству въ отношенія рынка явилось затрудненіе въ средствахъ для веденія армейскихъ заготовокъ въ связи съ ростомъ хлѣбныхъ и прочихъ цѣнъ.

Хлѣбная спекуляція началась съ первыхъ дней войны, и уже къ январю-февралю 1915 г. цѣны на главнѣйшіе хлѣба возросли настолько, что хлѣбозаготовочные расходы казначейства стали пугать совѣтъ министровъ. Интересы государственныхъ финансовъ требовали вмѣшательства въ дѣла хлѣбнаго рынка, а интересы помѣщиковъ требовали режима свободной хлѣбной торговли. Послѣ долгихъ вѣдомственныхъ трений былъ найденъ хитроумный выходъ: на сдѣлки съ хлѣбомъ, идущимъ арміи, были назначены такъ называемыя предѣльныя цѣны. Всѣ партіи хлѣба, найденныя уполномоченными министерства земледѣлія („Хлѣбарміи“), приобрѣтались въ казну по цѣнамъ, не превышающимъ предѣльныхъ. При несогласіи владѣльца на свободную продажу, — данная хлѣбная партія могла быть реквизирована по предѣльной цѣнѣ минусъ 15% ея.

Такимъ образомъ на помѣщиковъ возлагалась „почетная патриотическая обязанность“ дешево кормить армію. Аграріи съ честью увернулись отъ этой обязанности, настоявъ, во-первыхъ, на „безпредѣльных“ цѣнахъ, т.-е. установивъ въ земскихъ собраніяхъ твердыя цѣны такъ, что онѣ явились максимальными рыночными цѣнами, а во-вторыхъ, прекративъ поставку хлѣба уполномоченнымъ „Хлѣбарміи“ съ того момента, когда рыночныя цѣны перескочили въ своемъ ростѣ искусственный барьеръ цѣнъ твердыхъ.

Надо замѣтить, что сами уполномоченные „Хлѣбарміи“ играли далеко не послѣднюю роль въ хлѣбной спекуляціи, во-первыхъ, потому, что они были большей частью помѣщики, во-вторыхъ, потому, что бѣшенная заготовка, превышающая всѣ данныя наряды, одобрялась и поощрялась высшимъ начальствомъ. Тотъ свободный излишекъ въ 20, если не ошибаемся, милліоновъ пудовъ, которымъ такъ гордился въ 1915 г. тайный совѣтникъ Глинка, стоилъ Россіи весьма дорого, потому что заготовка его взвинтила цѣны ранѣе, чѣмъ это было бы при иныхъ условіяхъ.

Твердыя цѣны, даже „пересмотрѣнныя и улучшенныя“, все же носили на себѣ влияніе министра финансовъ, слѣдо-

вательно, не могли идти въ сравненіе съ цѣнами „вольнаго“ рынка. Заготовки замедлялись, наиболѣе ретивые уполномоченные (не изъ помѣщиковъ) начинали все чаще и чаще прибѣгать къ реквизиціямъ, а пріемная главноуполномоченнаго все тѣснѣй и тѣснѣй набивалась сановными жалобщиками на „несправедливыхъ“ закупщиковъ. Уполномоченные изъ помѣщиковъ поступали проще: они игнорировали предѣльные цѣны и вели заготовку по цѣнамъ рынка, вольно или невольно воздѣйствуя на рынокъ, какъ лучшіе спекулянты.

Во всякомъ случаѣ, предѣльные цѣны на армейскіе хлѣба, поскольку онѣ не были неизмѣнными, способствуя хлѣбной спекуляціи и росту рыночныхъ цѣнъ, не только не создали экономіи казначейству, а скорѣе ввели его въ дополнительныя расходы. Кромѣ того, онѣ создали такое положеніе, что хлѣбъ стремительно обходилъ казенные ссыпные пункты и попадалъ въ руки спекулянтовъ.

Почти весь 1915 годъ ушелъ на канцелярское разрѣшеніе квадратуры круга, какъ устроить дѣло, чтобы: 1) удешевить питаніе арміи, 2) избѣжать голодныхъ бунтовъ въ городахъ и 3) не „пошатнуть“ благосостояніе помѣщиковъ,

Въ концѣ-концовъ, осенью 1916 г. министръ земледѣлія Треповъ, связанный больше съ промышленными авантюрами, чѣмъ съ сундукомъ аграрныхъ Коробочекъ, взялъ на себя смѣлость провести законъ о распространеніи твердыхъ цѣнъ на всѣ сдѣлки съ хлѣбомъ. Законъ былъ проведенъ, но Треповъ получилъ отставку потому что въ Царскомъ Селѣ испугались столь революціонныхъ актовъ. На сценѣ появился крупный помѣщикъ Бобринскій—не для проведения этого закона, а для его анулированія, ибо помѣщики не хотѣли никакихъ стѣсненій въ своихъ спекулятивныхъ подвигахъ.

И все же, передъ лицомъ надвигающейся революціонной бури, здравомыслящая часть бюрократіи взяла верхъ: пришелъ Риттихъ со своей кратковременной компромиссной практикой. Твердыя цѣны на всѣ сдѣлки съ хлѣбами остались, хотя и въ искалѣченномъ видѣ (франко-амбаръ, а не франко-станція, какъ предполагалось первоначально). Намѣченная къ заготовкѣ на предстоявшій 1916—1917 операціонный годъ сумма хлѣбовъ была разверстана по всѣмъ производящимъ губерніямъ, причемъ разверстка посила уже обязательный характеръ.

Она была принята въ 21 губерніи, которыя, однако вмѣсто предположенныхъ Риттихомъ 500.6 милл. пудовъ хлѣба, дали только около 170 милл. пудовъ.

Признавъ принципъ твердыхъ цѣнъ на всѣ сдѣлки, взявъ на себя еще съ ноября 1916 года обязанность снабжать не только армию, но и населеніе хлѣбомъ (плановые „населенскіе“ наряды), царское правительство уже вплотную подошло къ хлѣбной монополіи. Однако, связанное съ аграріями, оно боялось произнести это страшное для помѣщиковъ и деревенскаго кулачества слово.

25 марта 1917 г. его выговорилъ, наконецъ, въ наскоро составленномъ актѣ первый революціонный министръ земледѣлія Шингаревъ. Въ Н-й первый разъ было завѣрено, что твердыя цѣны остаются неизблемыми.

Государство выразило такимъ образомъ претензію взять весь хлѣбъ подъ учетъ и въ свое исключительное распоряженіе. Однако, при условіяхъ того времени, это была простая декларация—не больше. И послѣ 25 марта, какъ и до того, существовало одновременно два вида хлѣбораспределенія: государственная нормировочная система съ твердой цѣной и порціонной картой и частная спекулятивная торговля. При чемъ послѣдняя неизмѣнно привлекала къ себѣ симпатіи невѣжественнаго или состоятельнаго населенія.

Можно глубоко сомнѣваться въ томъ, что кадетскій министръ Шингаревъ, подписывая законъ о хлѣбной монополіи, дѣйствовалъ искренне или, по крайней мѣрѣ, съ одобренія промышленной буржуазіи. Система твердыхъ цѣнъ глубоко враждебна капиталистическимъ группамъ, и лишь исключительныя обстоятельства войны да расчетъ на выгодный миръ заставляютъ буржуа подчиниться подобнаго рода мѣропріятіямъ государства.

Хлѣбная монополія первой революціи была ничѣмъ инымъ, какъ отдачей помѣщиковъ на потокъ, во имя упроченія власти промышленнаго капитала, и дополнительнымъ налогомъ на неорганизованное еще и потому неопасное среднее крестьянство,—налогъ во имя имперіалистской войны. Ибо какъ иначе можно оцѣнить неизблемость твердыхъ цѣнъ и власть государства надъ продуктомъ сельскаго

хозяйства, если единственнымъ эквивалентомъ экспроприруемаго хлѣба являлись обезцѣненные бумажные деньги!

Естественно, что крестьянство производительныхъ районовъ и помѣщики оказали яростное сопротивление такой экспроприации хлѣба. И шингаревская хлѣбная монополія провалилась еще болѣе рѣшительно, чѣмъ риттиховскія мѣропріятія.

Новый этапъ продовольственной политики намѣтился въ лѣтній періодъ, когда наиболѣе безкорыстные и искренніе служители „національнаго государства“ пришли къ власти вмѣстѣ съ Пѣшехоновымъ. Подготавливая наступленіе 18 іюня, улавливая болѣе далекія перспективы національно-буржуазнаго строительства, коалиціонные социалисты, еще популярныя тогда въ народныхъ массахъ, сумѣли вынудить у своихъ чисто-буржуазныхъ коллегъ по кабинету принципиальное согласіе на мобилизацію и регулированіе фабрично-заводскаго производства. Министерство продовольствія начало боязливо, медлительно синдицировать мелкіе отрасли промышленности (с.-х. машиностроеніе, крахмально-паточные заводы) и брать подъ учетъ часть выработки крупныхъ предприятий (40% тканей). Этимъ оно хотѣло опереть свои обращенія къ деревнѣ за хлѣбомъ на реальный базисъ товарнаго, а не бумажнаго эквивалента.

Однако сотрудиничество Пѣшехонова съ Коноваловыми и Третьяковыми само по себѣ (достаточно сопоставить эти имена) не сулило ничего хорошаго. Какъ бы ни былъ правиленъ путь, избранный министерствомъ продовольствія, дѣло упиралось въ тупикъ министерства торговли и промышленности. Затѣмъ, та медлительность и трусость, что характеризовали собою работу продовольственнаго вѣдомства, не могли способствовать укрѣпленію продовольственной системы. Въ концѣ-концовъ „незыблемая“ твердая цѣны были въ августъ удвоены, Пѣшехоновъ и его сотрудиники ушли въ отставку, а надъ привлеченіемъ промышленности къ выработкѣ товарнаго эквивалента за хлѣбъ и надъ нормировкой цѣнъ промышленныхъ продуктовъ видимо былъ поставленъ крестъ. Этотъ моментъ совпалъ во времени съ октябрьской революціей.

* * *

Какое же наследство получила новая власть, выдвинутая революционным пролетариатомъ, уставшей арміей и стремившимся овладѣть землей крестьянствомъ?

Общее положеніе дѣла въ августѣ 1917 г. рисовалось, по даннымъ министра продовольствія Прокоповича, слѣдующимъ образомъ (см. рѣчь Прокоповича въ засѣданіи Врем. Совѣта Республики).

Предстояло заготовить хлѣба:

для фронта	650	милл. пуд.
„ внутр. военн. окр.	70	„ „
„ жел. дор. и гражд. насел.	400	„ „

Итого 1120 милл. пуд.

Этотъ нарядъ министерство продовольствія надѣялось провести только въ 50%, имѣя въ виду, что въ 1917 г.

сборъ ржи равнялся	964	м. п.
„ пшеницы „	790	„ „
„ пр. хлѣб. „	1.200	„ „

Итого 2.954 „ „

(Въ этотъ подсчетъ не входили запасы Сибири), и принимая во вниманіе, что доступные реализаціи хлѣбные излишки равнялись по Европ. Россіи 550, максимум — 700 милл. пудовъ.

Для того, чтобы, передъ лицомъ надвигавшагося голода, стянуть концы съ концами, министерство продовольствія намѣчало: 1) сократить контингентъ арміи (вѣдь надежда на реваншъ тогда, послѣ 18 іюня, уже исчезла), 2) примѣнить суррогаты хлѣба, 3) расширить потребление картофеля, 4) бороться съ истребленіемъ хлѣба самогонщиками, 5) усилить, насколько позволилъ бы транспортъ, вывозъ сибирскаго хлѣба (100—150 милл. пуд.). Казалось, дѣло обстоитъ ужъ не такъ плохо.

„Но, если я перейду—говорилъ Прокоповичъ—отъ этой общей картины.. къ нынѣшнему положенію вещей, то тутъ краски нѣсколько мѣняются“. Указавъ на то, что къ осени 1917 г. страна подошла безъ всякихъ запасовъ, такъ какъ водный транспортъ въ теченіе навигаціи не былъ использо-

ванъ въ той мѣрѣ, какъ предполагалось, министръ откровенно констатировалъ критическое положеніе продовольствія.

„Подъ вліяніемъ этого отчаяннаго положенія... Временное правительство вынуждено было прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ—къ удвоенію цѣнъ. Передъ нами стояла дилемма: или пытаться получить хлѣбъ добровольно, путемъ этого удвоенія, или же непосредственно перейти къ репрессивнымъ мѣрамъ—примѣненію воинской силы, и съ помощью этой силы взять хлѣбъ у населенія... И если теперь, по удвоеннымъ цѣнамъ, мы все-таки не получимъ того хлѣба, который намъ будетъ нуженъ, конечно мы вынуждены будемъ прибѣгнуть къ этой воинской силѣ. Я это говорю совершенно опредѣленно“.

Энергичныя заявленія меньшевистскаго министра сопровождались аплодисментами „центра и лѣвой“, т.е. меньшевиковъ и соц.-революціонеровъ. А вѣдь Прокоповичъ ставилъ въ порядокъ дня ту самую мѣру—походъ за хлѣбомъ, —которая проводится нынѣ Комиссаріатомъ Продовольствія и встрѣчаетъ злобный отпоръ право-соціалистическихъ группъ. Весь секретъ тутъ въ цѣляхъ похода, а не въ самомъ походѣ: въ октябрѣ минувшаго года рѣчь шла главнымъ образомъ объ укрѣпленіи „общенациональнаго“ фронта, теперь-же дѣло касается укрѣпленія пролетарской диктатуры.

Тенденціозно освѣщенные данныя Прокоповича говорятъ за то, что удвоеніе цѣнъ значительно повысило заготовки. Въ сентябрѣ 1916 года было заготовлено 19 м. п., въ сентябрѣ же 1917 г., якобы только вслѣдствіе удвоенія твердыхъ цѣнъ, заготовки выразились въ цифрѣ 43 м. п. Въ данномъ случаѣ рискованно на сравненіи мѣсячныхъ итоговъ строить столь глубокое обобщеніе. Достаточно, напримѣръ, принять во вниманіе, что октябрьская ссыпка 1916 г. превысила сентябрьскую на 25 м. пуд. (44 м. вмѣсто 19), чтобы выводъ Прокоповича рухнулъ. Разумѣется, нельзя отрицать, что распоряженіе 27 августа имѣло извѣстный (кратковременный) положительный эффектъ. Объ усиленіи подвоза сообщалось въ концѣ сентября 1917 г. изъ губерній Астраханской, Киевской, Екатеринославской, Тамбовской, Таврической, Ставропольской, Полтавской, Самарской,

Курской, Уфимской, Оренбургской и Кубанской области. Въмѣстѣ съ тѣмъ, однако, цѣлый рядъ авторитетныхъ продовольственныхъ организацій (донская, таврическая, курская, саратовская, екатеринославская, херсонская, тульская, астраханская, тамбовская, полтавская, акмолинская и др.) выразили рѣзкій протестъ противъ удвоенія цѣнъ, учитывая эфемерность этого мѣропріятія.

Противъ повышенія цѣнъ высказался и Центральный Исполнительный Комитетъ Совѣтовъ (перваго созыва) въ лицѣ своего экономическаго отдѣла, т.-е. тѣ самые общественные дѣятели, которые въ настоящее время добиваются усиленно отміны твердыхъ цѣнъ.

Кромѣ того, повышеніе твердыхъ цѣнъ натолкнулось по признанію самого министра на (неожиданное для авторовъ?) препятствіе: острый недостатокъ денежныхъ знаковъ. Министръ продовольствія обивалъ пороги банковъ, ища кредита; тамъ ему отвѣтили, что помочь рады, если... вкладныя операціи увеличатся. А этого ожидать было конечно невозможно. Оставалось традиціонное русское средство.—Печатный станокъ получилъ 27 августа новый сильный нажимъ.

Оцѣнивъ ходъ заготовокъ, какъ чрезвычайно успѣшный (хотя февраль 1917 г. далъ 60 милл. пуд.), министръ продовольствія сознался, что вслѣдствіе транспортной разрухи вывезти весь заготовленный хлѣбъ не представляется возможнымъ. Получалось такое положеніе (начало октября 1917 г.): на сѣверномъ фронтѣ муки на 15 дней, фуража на 1 день, на западномъ фронтѣ муки на 11 дней, фуража на 3 $\frac{1}{2}$ дня, на юго-западномъ фронтѣ муки на 6 дней, фуража на 1 день, на румынскомъ фронтѣ муки на 7 дней, фуража на 3 дня.

Телеграмма ген. Черемисова, относящаяся къ началу октября, гласить: ежедневный недовозъ муки и фуража около 90%.

Что касается снабженія гражданскаго населенія, то Петроградъ былъ обезпеченъ хлѣбомъ ($\frac{3}{4}$ ф. паекъ) на 7 дней. Подходившіе къ столицѣ грузы расхищались населеніемъ. Провинцію все болѣе и болѣе охватывалъ голодъ и отчаяніе. Для характеристики положенія позволили себѣ привести выписки изъ органа министерства продовольствія („Продовольствіе и Снабженіе“ № 6 и 8).

„Голодь въ Калужской губ. разростается. Въ пищу употреблено все, что можно было ѣсть. Отъ недостатка пищи падаютъ коровы и лошади, если ихъ не успѣли употребить въ пищу. Дѣти умирають массами, умирають и взрослые. Голодные люди ринулись за хлѣбомъ въ сосѣднія губерніи. Мужчины оставляють голодающія семьи въ поискахъ хлѣба, женщины бросаютъ подъ присмотръ потороннихъ лицъ своихъ дѣтей, чтобы идти за хлѣбомъ.

„Въ Егорьевскомъ уѣздѣ, *Рязанской губ.*, въ Нечаевской, Бережковской и Васильевской волостяхъ, наступилъ настоящий голодь. Въмѣсто хлѣба жителямъ выдаются подсолнечныя выжимки, „избой“, въ количествѣ фунта въ день на ѣдока. „Избойникъ“, распаренный въ кипяткѣ и сдобренный мукой, обычно шелъ въ кормъ скоту. Теперь имъ питаются люди, но безъ добавленія муки.

„Кромѣ „избойника“, жители получаютъ 7 золотниковъ масла и $\frac{1}{4}$ фунта сахару въ мѣсяць. Своихъ поѣвовъ хлѣба жители не имѣютъ, такъ какъ поголовно работаютъ на фабрикахъ. Были случаи голодной смерти.

„Елецкій Уѣздный Продовольственный Комитетъ телеграммой въ Министерство Продовольствія сообщаетъ, что тысячныя толпы крестьянъ Калужской и Смоленской губерній пріѣзжаютъ въ Елецкій уѣздъ за хлѣбомъ, самочинно нагружаютъ вагоны и увозятъ хлѣбъ въ громадномъ количествѣ. Несмотря на рѣшеніе всѣхъ демократическихъ организации примѣнять военную силу, солдаты Елецкаго гарнизона отказываются отбирать хлѣбъ у калужанъ и смолянъ. Избить делегата фронта, избиваются патрули на станціяхъ. Создавшееся положеніе не только лишило возможности выполнять установленныя наряды, но грозитъ оставить безъ хлѣба также Елецъ и мѣстный гарнизонъ“.

Подобныхъ сообщений — о голодѣ, эпидеміяхъ, погромахъ, мѣщеничествѣ, спекуляціи, избіеніяхъ и убійствахъ продовольственниковъ — множество.

„Зрѣлище, которому нѣтъ названія, являетъ намъ картина теченія экономической жизни на мѣстахъ.

„Ея основной фонъ: замирающій подвозъ продуктовъ, истощающіеся запасы. Понижающіеся хлѣбныя пайки (мѣстами доходить до $6\frac{1}{2}$ ф въ мѣс.). Начинающееся питаніе суррогатами (подсолнечныя выжимки, отруби, жмыхи, со-

лодь). Сократившееся выполненіе нарядовъ (Екатеринославская губ. въ іюнѣ—56%, въ іюлѣ—37%, въ августѣ—15%). Массовый падежъ лошадей—за отсутствіемъ фуража (въ нѣкоторыхъ частяхъ армій). Опасность недосѣва за отсутствіемъ сѣмянъ. Прекращеніе работы въ рудникахъ. Закрывающіеся магазины. Эпидеміи цынги, брюшного тифа, желудочно-кишечныхъ заболѣваній (на почвѣ недоѣданія). Случаи голодной смерти.

„На этомъ фонѣ разворачивается борьба двухъ началъ: анархическія силы, подстрекаемыя лицами, профессія которыхъ—преступленіе,—объявили войну государственнымъ начинаніямъ, велѣніямъ закона о „государственномъ“ хлѣбѣ, организаціямъ, созданнымъ для его охраненія, и всѣмъ устоямъ правопорядка,

„Идетъ форменная осада продовольственныхъ комитетовъ: гдѣ разгоняють, гдѣ убивають, избивають („три часа стоялъ передъ угрожавшею смертію толпой“). „ведутъ топить къ рѣкѣ“. угрожають „выбросить весь составъ въ окно“...

Такъ характеризуетъ офіціальный органъ министерства продовольствія положеніе дѣлъ въ странѣ. И картина эта отнюдь не страдаетъ мрачнымъ преувеличеніемъ.

„Анархическія силы“ дѣйствовали все болѣе и болѣе рѣшительно. Что же противопоставляли имъ носители идей „правопорядка“?

Въ извѣстномъ смыслѣ министерство продовольствія проявляло кипучую дѣятельность: законы и циркуляры наводняли собою провинцію.

Еще лѣтомъ 1917 года былъ утвержденъ Временнымъ Правительствомъ законопроектъ о правѣ министра продовольствія брать на учетъ у производителей и торговцевъ предметы промышленнаго производства, сдавать заказы на такіе предметы (если нужно, то принудительно) фабрикантамъ и заводчикамъ, распредѣлять самые продукты и предметы среди населенія. Тогда-же при министерствѣ былъ учрежденъ отдѣлъ распредѣленія тканей, который, какъ уже говорилось выше, взялъ вскорѣ подъ свой учетъ 40% хлопчатобумажной выработки.

Постепенно въ вѣдѣніе отдѣла перешло до 60% тканей, и предполагалось взять подъ учетъ часть шерстяныхъ